

А. В. Майоров

**ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ В. Н. ТАТИЩЕВА
И МНИМЫЕ РЕАЛИИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЭПОХИ:
ПО ПОВОДУ РАБОТ А. П. ТОЛОЧКО***

К числу наиболее ярких «татищевских известий» без преувеличения принадлежит так называемый «конституционный проект» галицко-волынского князя Романа Мстиславича, помещенный в «Истории Российской» под 1203 г. Это известие неоднократно привлекало внимание исследователей. Ввиду отсутствия каких-либо упоминаний о проекте в других источниках единственным возможным способом проверки достоверности данного известия остается изучение содержащихся в нем сведений на предмет их

* Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ (проект МД-1665.2006.6).

соответствия современным научным знаниям по истории Древней Руси. Сопоставление прежде всего будет касаться форм государственной власти и политического объединения древнерусских земель, политико-географических реалий XII–XIII вв., представлений о княжеской власти и других вопросов, непосредственно затрагиваемых в реформаторских планах Романа.

К изучению указанных вопросов в ряде работ обратился недавно А. П. Толочко¹. Полученные им результаты заставляют нас еще раз вернуться к проблеме достоверности «конституционного проекта» Романа.

ФОРМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И ПОЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В РЕФОРМАТОРСКИХ ПЛАНАХ РОМАНА

По мнению А. П. Толочко, описывая предложения галицкого князя Романа по переустройству политической системы Древней Руси, Татищев оперирует политико-географическими представлениями, не соответствующими реалиям древнерусской эпохи.

«Еще один явный анахронизм, — пишет исследователь, — то, как Роман представляет себе устройство Руси и кого, следовательно, избирает на роль курфюрстов. Для Романа Русь предстает не родовым достоянием княжеской семьи, но некоей суммой (в XIX веке написали бы — федерацией) нескольких земель. Причем земли эти — уже довольно прочно установившийся институт, так что именно они высылают своих представителей в коллегию выборщиков. “Местный” князь получает право на участие в избрании киевского князя не потому, скажем, что ему позволяет его статус во внутриклановой иерархии Рюриковичей, но, так сказать, *ex officio*, потому, что он занимает стол именно в этой земле... Роман воспроизводит то понимание структуры Руси, которое могло сложиться (и действительно сложилось впоследствии) в уме ученого наблюдателя, мыслящего к тому же институциональными категориями территориальных государств нового времени»².

Предъявляя Татищеву новые обвинения, А. П. Толочко совершенно не утруждает себя какими-либо доказательствами. Создается впечатление, будто речь здесь идет о чем-то само собой разумеющемся, об общепризнанных истинах, для которых доказательств вообще не требуется, и только такой невежда, каким являлся Татищев, мог допустить столь явное искажение исторической действительности, поскольку был лишь наивным дилетантом и грубым фальсификатором.

Новейший исследователь полностью игнорирует давно сделанный вывод о том, что древнерусская государственность, сложившаяся в XI–XIII вв., носила общинный характер, политическая система Древней Руси представляла собой систему соподчиненных городских общин.

Этот вывод был сформулирован еще классиками русской историко-правовой науки, создавшими концепцию «земского государства». Государственное устройство в Древней Руси, писал М. Ф. Владимирский-Буданов, «состоит не в княжеских отношениях,

¹ Толочко А. П. 1) Конституционный проект Романа Мстиславича 1203 г.: Опыт источниковедческого исследования // Древнейшие государства Восточной Европы. 1995 г. М., 1997. С. 240–262; 2) «История Российской» Василия Татищева: Источники и известия. М.; Киев, 2005. С. 288–328.

² Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 293–294.

а в земских (*старших городов к пригородам*), и само понятие государства приурочивается не к княжениям, а к землям»³.

Древнерусские государства, уточнял М. А. Дьяконов, «носят названия “земель”, “княжений”, “волостей”, “уездов”, “отчин”». При этом

«термины “княжение” и “волость” также обозначают древние государства в смысле территориальном, как и термин “земля”... Каждая земля или волость имеет политический центр: это главный, или старший город... Политическое значение главного города всего отчетливее выразилось в том, что по имени этого города прозывается и вся земля, например Киевская земля, Смоленская, Ростовская и пр.»⁴

Подобные выводы базировались на выработанным историками права фундаментальном положении о смешанной форме государственной власти в древнерусский период. Как писал В. И. Сергеевич, в образовании верховной власти в Древней Руси «участвуют два элемента, а именно монархический, в лице князя, и народный, демократический элемент, в лице веча»⁵.

Построения В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова в разное время были приняты многими отечественными и зарубежными историками⁶. Свое дальнейшее подтверждение и развитие они находят в трудах современных исследователей, создавших теорию общинной государственности и городов-государств как универсальной формы организации раннего государства, встречающейся также и в истории Древней Руси⁷.

Не все современные историки в равной мере разделяют эту теорию. Но даже те из них, кто оценивает политический строй Древней Руси как раннефеодальную монархию, вынуждены делать ряд существенных оговорок, касающихся в первую очередь политической роли земель и городов, усилившейся в XII–XIII вв. Так, по мнению Б. Д. Грекова, с падением значения Киева связан подъем «политического значения крупных городов... В этих городах вырастает значение вечевых собраний, с которыми приходится считаться и пригородам и князьям»⁸.

В литературе неоднократно отмечалось, что судьба княжеского стола в Древней Руси решалась не только по воле князей, но обязательно с участием городов⁹. Приез-

³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Пг.; Киев, 1915. С. 273–274.

⁴ Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб., 2005. С. 66–67. — См. также: Майоров А. В. Общественный и государственный строй Древней Руси в трудах М. А. Дьяконова // Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 362–380.

⁵ Сергеевич В. И. Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1910. С. 141–142.

⁶ См.: Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории: Киевская Русь. М., 1993; Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. М., 1993; Вернадский Г. В. Киевская Русь. Тверь; М., 1996; Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991; Фроянов И. Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. Л., 1990; Свердлов М. Б. Общественно-политический строй Древней Руси в русской исторической науке XVIII–XX вв. СПб., 1996; Пауто В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.

⁷ См.: Фроянов И. Я. Начала русской истории: Избранное. М., 2001; Фроянов И. Я., Дворниченко А. Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (До начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993; Кривошеев Ю. В. Русь и монголы: Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб., 2003; Майоров А. В. Галицко-Волынская Русь: Очерки социально-политических отношений в домонгольский период. Князь, бояре и городская община. СПб., 2001; Петров А. В. От язычества к святой Руси: Новгородские усобицы: (К изучению древнерусского вечевого уклада). СПб., 2003.

⁸ Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 359, 366–368.

⁹ См.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 193.

жая в ту или иную волость, князь должен был заключать «ряд» с вечем, принимая на себя обязательства, ограничивающие его политическую самостоятельность¹⁰. Князь не являлся полновластным монархом: «юридически признанное ограничение своего волеизъявления» он находил «в традиционных правах боярства и дружины, в привилегиях самоуправляющихся городов, в необходимости соблюдать междукняжеские договоры, в развитом иммунитете магнатов, в своих обязательствах сюзерена по отношению к вассалам и т. д.»¹¹

Характеризуя политико-правовую систему Древней Руси, Л. В. Черепнин отмечал, что правда княжеского рода и правда городов и волостей остаются разными правдами¹². Опираясь на свои политические прерогативы, Киев оставлял за собой право выбора князя; это право во второй половине XII в. реализуют также ростовцы и суздальцы¹³.

Не столь однозначно решается вопрос и о федеративном характере политического объединения древнерусских земель. Не только историки XIX в., но и современные авторы говорят о Древней Руси как федеративном политическом образовании, состоявшем из полутора десятков «автономных земель и княжеств»¹⁴. Составлявшие эту федерацию земли и княжества в XII–XIII вв. — действительно «уже довольно прочно установившийся институт». Вот почему «местные» князья получают право на участие в общерусских политических мероприятиях не только в силу своего статуса во внутриклановой иерархии Рюриковичей, но и, как выразился А. П. Толочко, «*ex officio*», т. е. потому, что они занимают столы в определенных землях. Давно установлено, что данные категории тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены, — иначе говоря, положение князя во внутриклановой иерархии Рюриковичей, как правило, соответствовало политическому значению занимаемого им стола в той или иной земле.

Представительская функция «местного» князя, получающего право участия в избрании киевского князя потому, что «он (местный князь. — А. М.) занимает стол именно в этой земле», действительно вполне отчетливо видна в проекте Романа. Но в этом нет ничего удивительного. Князю как носителю государственной власти вообще свойственно исполнение представительских функций, особенно в сфере дипломатических отношений и переговоров¹⁵.

Роль князя как представителя своей земли перед лицом других князей не может быть отвергнута только потому, что в этом качестве древнерусский князь чем-то напомнил новейшему исследователю «безликого чиновника», попадающего «по должности» в некий «коллективный орган», формирующийся в «бюрократическом государстве»

¹⁰ См.: Пацуто В. Т. Черты политического строя Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 34–51.

¹¹ См.: Литаврин Г. Г. Византия и славяне. СПб., 1999. С. 474.

¹² Черепнин Л. В. 1) Общественно-политические отношения в Древней Руси и Русская Правда // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 247 и след.; 2) К вопросу о характере и форме Древнерусского государства X – начала XIII в. // Исторические записки. 1972. Т. 89. С. 362–363.

¹³ См.: Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000. С. 209, 223, 226.

¹⁴ См.: Рыбаков Б. А. Обзор общих явлений русской истории IX – середины XIII в. // Вопросы истории. 1962. № 4. С. 49–50; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 405.

¹⁵ Факты такого рода неоднократно описаны в литературе. Из последних работ см.: Котляр Н. Ф. Дипломатия Южной Руси. СПб., 2003.

Нового времени¹⁶. Все это — слишком вольные интерпретации известия, переданного Татищевым.

Факты того, как старшие князья сообща принимают политические решения общерусского значения, затрагивающие не только узкоклановые интересы самих Рюриковичей, но непосредственно касающиеся политического и правового положения подвластных им земель, устанавливаются отнюдь не по свидетельствам «Истории Российской». Они известны прежде всего по сообщениям аутентичных источников начиная со второй половины XI в. Часть таких фактов уже была нами рассмотрена¹⁷. Добавим к этому свидетельство Русской Правды о порядке принятия старшими сыновьями Ярослава Мудрого правовых нововведений, известных как «Правда Ярославичей»: «Правда уставлена Роуськой земли, егда ся съвокупил Изяславъ, Всеволодь, Святославъ, Коснячко, Перенегъ, Микыфоръ Кыянинъ, Чюдинъ Микула»¹⁸. Как бы ни оценивать социальный состав законодателей, ясно, что старшие князья Руси — киевский, черниговский и переяславский, — собравшись вместе со своими приближенными, принимают решение об изменении общерусского законодательства.

ИСТОРИЧЕСКАЯ КАРТА РУСИ XII–XIII вв.:

ВОЛОСТИ-ЗЕМЛИ ИЛИ СЕМЕЙНЫЕ ВЛАДЕНИЯ КНЯЗЕЙ

Еще больше вопросов вызывают дальнейшие рассуждения А. П. Толочко по поводу историко-географических представлений Татищева, унаследованных современной наукой:

«Надо отдать должное Татищеву: ему удалось довольно точно идентифицировать те земли — суздальскую, черниговскую, галицкую, смоленскую, полоцкую и рязанскую — на которые “раздробит” Русь и будущая академическая наука. Сегодня такое деление канонизировано бесчисленными историческими картами... Человек XII–XIII веков подошел бы к проблеме с противоположной стороны. Он, быть может, и оставил бы очертания земель (если б ему объяснили концепцию инструментальной карты), но ярлыки на них заменил бы на “Ольговичи”, “Юрьевичи”, “Ростиславичи” и т. д. Князья (видимо и все остальные) мыслили Русь не в виде территориальных массивов, но в виде групп семейств княжеского рода. Земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием (“отчиной”) определенного семейства»¹⁹.

Как видим, новейший автор опровергает не только Татищева, но и всю последующую академическую науку, включая и современную историческую географию. И вновь в доказательство своей правоты Толочко не приводит ни одного факта, почерпнутого из какого-нибудь источника, более достоверного, чем «История Российская». Но если опровергать Татищева современный исследователь мог бы, опираясь на новые исторические факты, добытые академической наукой (пусть даже и без ссылок на них), то чем могут быть опровергнуты данные самой исторической науки, если они полностью совпадают с представлениями Татищева?

¹⁶ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 294.

¹⁷ См.: Майоров А. В. К изучению оригинальных известий «Истории Российской» В. Н. Татищева: «Конституционный проект» галицко-волынского князя Романа Мстиславича // Слов'янські обрії: Міждисциплінар. зб. наук. праць. Київ, 2006. Вип. 2 (в печати).

¹⁸ Правда Русская. Т. I. М.; Л., 1940. С. 71.

¹⁹ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 294.

Мы будем следовать более традиционным нормам научного исследования и для проверки известий Татищева по истории Древней Руси обратимся к аутентичным древнерусским источникам, в первую очередь летописным, считая этот путь единственно возможным при сегодняшнем состоянии исторической науки.

Прежде всего, в источниках нет никаких свидетельств о том, чтобы города или земли Древней Руси в XII–XIII вв. кем бы то ни было обозначались или хотя бы мыслились в том виде, как это преподносит Толочко — «Ольговичи», «Юрьевичи», «Ростиславичи» и т. д. Более того, столь фантастическая номенклатура прямо противоречит многочисленным данным, известным по летописям и другим источникам. Эти данные, проанализированные недавно А. А. Горским, показывают, что термин «земля» в территориальном значении в рассматриваемое время обязательно употреблялся с притяжательным прилагательным, образованным от названия главного города, и обозначал суверенные государства, крупные самостоятельные княжества: Киев — Киевская земля, Новгород — Новгородская земля, Чернигов — Черниговская земля, Галич — Галицкая земля, Смоленск — Смоленская земля, Ростов — Ростовская земля и т. д.²⁰

Древнерусские земли XII–XIII вв. даже в тех случаях, когда они упоминаются в специальном значении княжеских владений — «волостей», — именуется по названию своего старшего города: «Киевская волость», «Черниговская волость», «Смоленская волость» и т. п.²¹

Существовал, разумеется, и другой способ, когда определение волостей происходило по правившим в них князьям, и этот способ в рассматриваемое время чаще встречается в источниках. А. А. Горский насчитывает подобных случаев 138, или 83,1 % от общего числа выявленных им упоминаний термина «волость»²². Это и неудивительно, ведь при употреблении названного термина подразумевалась управляемая территория, подвластная определенному политическому центру со сложившимися институтами власти, олицетворяемыми прежде всего местным князем.

Земля становилась волостью, когда на данной территории завершалось формирование государственной организации и складывались основные институты государственной власти, одним из которых являлся князь. В данном отношении князь олицетворял волость, и поэтому в источниках волости тесно связываются с правящими в ней в данный момент князьями.

Но сама по себе княжеская власть не могла быть исключительной причиной возникновения и условием существования волостей, а князья не являлись единственными их создателями и «владельцами». Наряду с княжеской властью ключевую роль в этом играли также города и городские общины. Их политическое значение, по верному наблюдению Л. В. Даниловой, обусловлено

«властью над прилегающей округой (а если это община главного города, то и над пригородами), причастностью к управлению сельскими общинами, к организации общего военного ополчения, праву на получение доли от даней, полюдья и других поборов, а также наличием коллективного общинного землевладения и т. д.»²³

²⁰ Горский А. А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 130–140.

²¹ ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. Стб. 309, 350, 367.

²² Горский А. А. Указ. соч. С. 141.

²³ Данилова Л. В. Сельская община в средневековой Руси. М., 1994. С. 98–99.

Типологический анализ известных современной науке древнерусских поселений выявляет наличие среди них определенной «иерархической системы», вершину которой составляли «крупные стольные города — центры самостоятельных земель-княжений». Связь городов с прилегающей округой характеризуется «отношениями административно-хозяйственного подчинения»: в городах «с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта»²⁴.

Князь и городская община составляли части единого социально-политического организма. Именно поэтому в источниках древнерусские волости в равной мере могли определяться как через имена князей, так и через названия городов, являвшихся политическими центрами земель. Оба способа наименования в источниках свободно сосуществуют и взаимно заменяют друг друга потому, что являются выражением единой сути понятия «волость».

Вот почему, даже когда речь шла о междукняжеских отношениях и военных конфликтах князей, в сознании древнерусского человека волость ассоциировалась именно с землей (называемой по имени своего политического центра — старшего города), а не с княжеской отчиной — «обладанием определенного семейства». В повести о Липецкой битве находим слова владими́ро-суздальского боярина:

«Оже бы кто вшед ратью в сильную Суждалскую землю, оже бы вышел цел. Хотя бы и вся Рускаа земля и Галичскаа, и Киевскаа, и Смоленскаа, и Черниговскаа, и Новгородскаа, и Рязанскаа, ни тако противу сеи силы успеют»²⁵.

Описывая военные действия и походы князей, древнерусские летописцы употребляют обозначения, образованные от названий земель и городов, в равной мере применяя их и к князьям, и к их отчинам, и к их войскам. В Новгородской Первой летописи под 1170 г. читаем:

«В то же лето, на зиму, придоша под Новьгород суждальци с Андреевицемь, Роман и Мьстислав с смолняны и с торопыцяны, муромьци и рязаньци с двома князьма, полоцьскый князь с полоцяны, и вся земля просто Русьская»²⁶.

«Том же лете ходиша вся Руска земля на Галиць и много попустиша область их», — говорит летописец о войне 1146 г. между киевским князем Изяславом Мстиславичем и галицким князем Володимирко Володаревичем. В битву на Калку идут «все князи Рустии и все князи Чернеговьскый»²⁷.

Не только простые люди, но и сами князья в XII–XIII вв. «мыслили Русь» именно «в виде территориальных массивов», именуя свои отчины их исконными территориальными названиями, соответствующими названиям старшего города и связываемой с ним земли. В 1140 г. сын Мономаха Андрей Владимирович говорит: «В Переяславли хощю, на своей отчине, смерть прияти». Княживший в Новгороде Мстислав Удалой объявляет: «Хощю поискати Галиця»²⁸, а не, скажем, отчины Ростиславичей или Романовичей.

²⁴ Древняя Русь: Город, замок, село / Г. В. Борисевич, В. П. Даркевич, А. Н. Кирпичников и др.; Отв. ред. Б. А. Колчин. М., 1985. С. 39, 52.

²⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 495.

²⁶ Там же. Т. 3. М., 2000. С. 33.

²⁷ Там же. Т. 1. Стб. 506.

²⁸ Там же. Т. 3. С. 57.

Владими́ро-сузда́льские князья после совета с дружиной приступают к дележу волостей:

«Мне же, брате Ярославе, — говорит Юрий Всеволодович, — Володимерскаа земля и Ростовскаа, а тебе Новград, а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дави черниговьским князем, а Галич нам же»²⁹.

К тому же князья отнюдь не считали волости неотъемлемой родовой собственностью отдельных семейств. Это касалось как волостей, где княжили они сами, так и земель, в которых правили другие князья. Юрий Долгорукий, к примеру, готов был обменять старейшие города своей волости, Ростов и Суздаль, на Переяславль (по ряду 1134 г. с Ярополком Владимировичем)³⁰. Став киевским князем, Всеволод Ольгович

«нача замышляти на Володимириче и на Мстиславиче, надеяся силе своеи, и хоте сам всю землю держати: искаше под Ростиславом Смолинська, а под Изяславом Володимеря»³¹.

Примеры того, как князья с легкостью нарушали отчинные права друг друга, противопоставляя их праву добывать волости силой оружия, в большом количестве собраны и описаны в литературе³².

История большинства земель Древней Руси XII–XIII вв. показывает, что правившие в них князья могли сменять друг друга сколь угодно часто, не редкостью был и переход власти к представителям враждебных друг другу княжеских кланов. Более или менее стабильной оставалась лишь территориально-политическая структура древнерусских волостей, основанная на взаимоотношениях старших городов с пригородами.

Этот факт, по-видимому, признает и сам Толочко. Историк вполне справедливо считает, что если бы какой-нибудь князь в конце XII – начале XIII в. взялся составлять коллегия выборщиков киевского великого князя, то едва ли он воспользовался бы при этом принципом выдвижения старших представителей от кланов Ольговичей и Мономаховичей, зная, что окажется в чрезвычайно затруднительном положении:

«Этот же воображаемый князь, однако, знал бы, что “на все времена” установить такую коллегия с фиксированным членством невозможно: картина постоянно меняется — одни семейства возвышаются, другие сходят со сцены, сегодня доминируют, скажем, четыре клана, завтра могут возникнуть еще несколько»³³.

Установить какое-либо новое правило «на все времена» — задача действительно невыполнимая. Но сказанное совершенно не исключает возможности учреждения коллегия выборщиков «с фиксированным членством», если такое членство фиксируется за князьями — правителями крупнейших русских земель, вне прямой зависимости от их клановой принадлежности.

Чтобы принять подобное объяснение, нужно, разумеется, отказаться от крайне одностороннего подхода в понимании политического строя древнерусских земель и взаимоотношений основных институтов государственной власти, среди которых фактически остается место только для князя. Такой именно подход и демонстрирует, как

²⁹ Памятники литературы Древней Руси: XIII в. М., 1981. С. 118.

³⁰ См.: Петрухин В. Я. Указ. соч. С. 209.

³¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 307.

³² См.: Сергеевич В. И. Древности русского права. Т. II. СПб., 1908. С. 150–370; Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 112–123.

³³ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 295.

мы видели, А. П. Толочко: «Земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием (“отчиной”) определенного семейства». Но ведь и князь приобретал политическое значение, становился князем в полном смысле слова, только если он являлся правителем земли. В противном случае он обращался в князя-изгоя и сходил с политической и исторической арены, если ему не удавалось тем или иным образом вернуть свой правительственный статус.

Политическое значение Мономаховичей и Ольговичей определялось не только тем, какое положение они занимали в родовой или клановой иерархии, но прежде всего тем, что они являлись правителями в крупнейших городах и землях Руси — Ростово-Суздальской, Черниговской, Смоленской или Волынской. Чем богаче и сильнее была земля, тем выше были политический статус ее правителя и его значение в отношениях с другими князьями. Генеалогическое старшинство или другие родовые отличия сами по себе решающего значения не имели: политическое первенство могло переходить к различным представителям рода Рюриковичей (также и внутри отдельных его кланов) вне зависимости от их генеалогических счетов. По верному наблюдению М. А. Дьяконова:

«и младший князь мог быть назван старшим, если ему удавалось занять лучший стол. В этом смысле в памятниках встречаются выражения: “искать старейшинства”, “положить на комь, дать кому старейшинство”. Не подлежит сомнению, что под старшинством здесь надо понимать лучший стол»³⁴.

Подобные выводы давно уже стали достоянием исторической науки. Но именно данное обстоятельство, как это ни странно, явилось для новейшего критика еще одним поводом к опровержению проекта Романа:

«Вероятно, именно эта близость проведенного Романом анализа состояния Руси к позднейшим научным представлениям парадоксальным образом воспринималась как доказательство аутентичности текста (хотя должна была служить скорее аргументом против)»³⁵.

Но что же парадоксального в том, что предложения Романа могли быть подвергнуты проверке на их соответствие имеющимся научным данным, относящимся к аналогичному предмету? Действительно парадоксальным можно считать способ аргументации, предлагаемый Толочко — ведь в соответствии с ним близость идей Романа к последующим научным теориям (о которых ни Роман, ни Татищев знать не могли) должна свидетельствовать против достоверности Романового проекта только потому, что эти теории не совпадают с собственными представлениями Толочко.

ВЛИЯНИЕ АРХАИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О КНЯЖЕСКОЙ ВЛАСТИ

Едва ли может считаться аргументом в пользу того, что в XII–XIII вв. Русь воспринималась «не в виде территориальных массивов, но в виде групп семейств княжеского рода», и что «земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием (“отчиной”) определенного семейства», известная современной науке древняя мифологема, осмысливающая государство как телесную плоть царя.

³⁴ Дьяконов М. А. Указ. соч. С. 118.

³⁵ Толочко А. П. «История Российская» Василия Татищева... С. 295.

В различных культурных традициях получила распространение своего рода антропоморфная концепция государства, в которой царь — голова, управляемый им народ (земля) — тело, а собираемые с народа государственные подати — еда, корм монарха³⁶. К изучению этой проблемы в свое время обращался и А. П. Толочко. Исследователем установлено существование комплекса аналогичных представлений о государстве и на Руси: его приметы можно найти в «Слове о полку Игореве» и некоторых других литературных памятниках, в отразившихся в летописях древних эпических преданиях³⁷.

Но, принимая даже самые смелые предположения и аналогии, едва ли можно допустить, что в XII–XIII вв. антропоморфная концепция государства и, в частности, представление о том, что земля — продолжение княжеского тела, являлось основополагающей нормой политической жизни Руси, определявшей государственно-правовой статус русских земель-волостей. В рассматриваемое время подобные представления могли существовать лишь на уровне поэтической метафоры как отголосок далекой архаики и связанного с ней мифологического сознания. Образ князя — головы земли — древнерусские книжники могли использовать скорее как выразительный художественный прием, усиливающий остроту эмоционального восприятия.

Совершенно безосновательно утверждение о том, что «земля приобретала очертания не сама по себе, но потому, что становилась обладанием (“отчиной”) определенного семейства». Очертание земли — это прежде всего ее границы, внешние рубежи, обозначаемые в источниках терминами «сумежье», «межа», «рубеж»³⁸. Наличие внешних границ — один из основных признаков земли-волости, как и любого государства вообще³⁹. Наличие или отсутствие границ не может зависеть от того, представители какого княжеского семейства в данный момент правят в земле или считают ее своей отчиной. Это зависит только от степени завершенности процессов государствообразования, иначе говоря, от того, является ли данная земля суверенным государством.

Люди Древней Руси четко знали и защищали границы своих земель вне зависимости от отчинных прав и иных интересов князей. Главный побудительный мотив для них — отвести «зло» от земли, не допустить ее разорения врагами. В 1176 г. смоленский князь Давыд Ростиславич со своими союзниками начал поход на Полоцк:

«И слышаша Полочане и здумаша, рекуше: “Не можем мы стати противу Новгородцем и Смоленяном, аще попустим их в землю свою, аще мир створим с ними, а много ны зла створять, попустят ны землю, идучи до нас, поидем к ним на сумежье”. И собращася вси и идоша к ним, и сretoша я на межах с поклоном и с честию, и даша ему дары многы, и уладишася, и разидошася в страны своя каждо их»⁴⁰.

Как видим, полочане отстаивали свою волость, встретив врага «на межах» — внешних границах земли. При этом они обходятся вообще без какого-либо участия со стороны

³⁶ См.: Романов В. Н. Древнеиндийские представления о царе и царстве // Вестник древней истории. 1978. № 4. С. 84–87.

³⁷ Толочко А. П. 1) Князь в Древней Руси: Власть, собственность, идеология. Киев, 1992. С. 15 и след.; 2) Русь: Держава і образ держави. Київ, 1994.

³⁸ См.: Алексеев Л. В. О распространении топонимов «межа» и «рубеж» в Восточной Европе // Славяне и Русь. М., 1968. С. 143 и след.

³⁹ См.: Владимирский-Буданов М. Ф. Указ. соч. С. 17; Алексеев Л. В. Полоцкая земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 217; Фроянов И. Я. Киевская Русь: Очерки социально-политической истории. Л., 1980. С. 237.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 403–404.

князя. Такую же картину можно видеть и на юге Руси⁴¹. Понимание необходимости защищать южнорусские рубежи для простых людей ни в коей мере не зависело от того, какой именно князь в момент нашествия степняков сидел в Киеве или Переяславле, считая их своей отчиной. То была общегосударственная задача, в равной мере стоявшая и перед князем, и перед простыми людьми.

ГРАНИЦЫ «РУССКОЙ ЗЕМЛИ» В ПРОЕКТЕ РОМАНА И ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ ТАТИЩЕВА

Следует обратить внимание на содержащееся в проекте определение пределов «Русской земли», в которых надлежало получить свою «часть» соправителю киевского князя: «в Руской земли от Горыня и за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало». Эта малоприметная деталь, на наш взгляд, является важным доказательством подлинности представленного Татищевым документа: великий князь должен был предоставить своему сыну удел «в Руской земли от Горыня и за Днепр».

Указанные Романом границы совпадают с данными современной науки относительно размеров территории «Русской земли» в XII–XIII вв. На западе она как раз достигала верхнего течения Горыни и Западного Буга⁴². Что же касается восточных границ, то четкого представления о них в рассматриваемый период уже не существовало. Исторически «Русская земля» включала значительную часть Днепровского Левобережья с Черниговом и Переяславлем. Но после того как эти города стали независимыми от Киева политическими центрами, их включение в состав «Русской земли» утратило политический смысл и могло быть лишь своего рода данью исторической памяти.

Как справедливо отмечал Б. А. Рыбаков, географическое понятие «Русская земля» не сводимо к его реальному политическому содержанию, сложившемуся в XII в.: «возводить географическое понятие XII в. “Русская земля” к какому-либо политическому единству этого времени никак нельзя. Это единство для эпохи Юрия Долгорукого и Святослава Всеволодовича — лишь далекая историческая традиция»⁴³. Н. Ф. Котляр уточняет, что, по летописным данным, указанные перемены происходят начиная примерно с 40-х гг. XII века, когда территория Днепровского Левобережья — Черниговская и Переяславская земли — исключаются из состава южной Русской земли; понятие «Русская земля» в узком значении подразумевает с этого времени только территорию Киевщины⁴⁴. Поэтому, четко определяя границу «Русской земли» на западе, Роман ограничивается лишь расплывчатым обозначением ее направления на востоке: «за Днепр, сколько городов издревле к Киеву принадлежало».

Примечательно, что сам Татищев как историк, исследовавший территориальный состав и границы древней «Русской земли» в узком значении этого понятия, называе-

⁴¹ См.: Майоров А. В. Древняя Русь и кочевники в X–XIII вв.: Печенеги, торки, половцы // Мир истории: Россия и Восток. СПб., 2002. С. 38–80.

⁴² См.: Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993. С. 64; Кучкин В. А. «Русская земля» по летописным данным XI – первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 96.

⁴³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь... С. 65.

⁴⁴ Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. С. 400–405.

мой им также «Малой Русью», устанавливал совсем иные координаты, нежели те, что звучат в предложениях Романа. Если ее западная граница у Татищева также проходила по р. Горынь, то на востоке «Русская земля» простиралась «по вершину Донца и Оки»⁴⁵. Об установленных современной наукой различиях в содержании понятия «Русская земля», характерных для XII в., Татищев, разумеется, не знал⁴⁶. Если допустить, что он сам был автором Романового проекта, то придется признать, что при его составлении историк неизбежно должен был воспользоваться собственными представлениями о границах «Русской земли», которые, как видим, не совпадают с представлениями Романа.

⁴⁵ Татищев В. Н. История Российская. М., 1994. Т. I. С. 354.

⁴⁶ Как показывает историографический анализ В. А. Кучкина, такие представления постепенно сформировались только в XIX–XX веках (Кучкин В. А. Указ. соч. С. 85 и след.).